

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

ВОЛШЕБНОЕ МЫШЛЕНИЕ А. М. РЕМИЗОВА:
«МЫШКИНА ДУДОЧКА»

Книга «Мышкина дудочка», вышедшая в 1953 г., завершает в творчестве А. М. Ремизова «волшебный» цикл, состоящий из трех книг: помимо «Мышкиной дудочки» в этот цикл входят «По карнизам» (1929) и «Учитель музыки» (1983, написанная в 20-е и 30-е гг.). В этом цикле повествование о житии Алексея Ремизова ведется не в эпической тональности, как во «Взвихренной Руси», и не в легендарно-сказочной, как в цикле «Постриженными глазами», «Иверень» и «Петербургский буерак (Встречи)», а именно волшебным мышлением, волшебным восприятием писателя; окрашена, преобразована повседневная жизнь, рассказанная «по живым следам». Ограничиваясь здесь «Мышкиной дудочкой»,¹ я постараюсь проследить, как действует волшебное мышление автора, и какие оно выполняет функции.

Волшебство в развернутом, деятельном, «конкретном» виде показано в книге дважды, и оба случая в середине книги, месте, очень часто у Ремизова наделенном особой насыщенностью смысла.² Первый случай — приворот, которым женщина по прозвищу «Листин» старается (по ремизовскому наущению) приворожить Леонида Михайловича Лифаря, чтобы проникнуть к его брату, танцовщику Сергею Михайловичу Лифарю, и показать ему свои рисунки (с. 100—101). Второй случай, от которого произошло и заглавие книги — истребление мышей крысомором с дудкой, как в легенде о Гамельнском крысоморе (с. 108—109). В какой-то степени эти два случая соответствуют различию, отмеченному автором: «Есть различие „колдовать“ и „волхвовать“; „колдунья“ — черная, „волшебница“ — белая» (с. 100). Заклинанием стараются помочь Листину, а дудочка крысомора для Ремизова, подчеркивающего свое нежное отношение к мышам, — орудие «черной магии».

Помимо этих явных (хоть и шутивных) случаев колдовства / волшебства, по всей книге щедро разбросаны знаменательные «волшебные» детали, от которых весь дом, где живет в Париже на rue Voileau Ремизов, весь «Буалонский оракул» (с. 55), как он его называет, делается подобным гоголевскому «заколдованному месту» — и заглавие рассказа упоминается как таковое (с. 103), да еще под конец книги в нераскрытой квази-цитате:

«Ишь куда его нелегкая занесла!» (с. 170). Тут настоящие (или выдаваемые за настоящие) происшествия, комментируемые автором, показаны в сверхестественном свете, даны в волшебном ключе: в начале книги авторский комментарий строится на словах «чудо» и «чары» и производных от них, повторяемых часто по несколько раз на одной странице.

Другой, не столь явный способ твердо установить «волшебный ключ» (а музыкальное сравнение здесь вполне уместно, ведь «Мышкина дудочка» названа «интермедией») — это словесные знаки, относящиеся, так сказать, к ремеслу волшебника или ведьмы. Приведу хоть несколько примеров: консьержка (т. е. дворничиха) по прозвищу «костяная нога» (с. 69), от головной боли советует одному из действующих лиц «жабьи вытяжки, две пилюли утром и на сон две» (с. 105)! Упоминается «лягушечья печенка» (с. 168), для приворота нужна «кошачья кровь» (с. 96), и т. д. В более развернутом виде этот прием можно проследить на следующем примере, где хорошо видно, как Ремизов придает волшебный уклон тому, что рассказывает: речь идет о трудном доступе к именитым людям, о том, что Ремизов называет «стеной», окружающей их. «Шестов рассказывал, как гимназистами они решили итти к Толстому просить рассказ для их ученического журнала: в самом деле, что стоит Толстому написать рассказ! И пошли целой оравой: вот и дом, а дверей-то не могут найти, они было в калитку, а калитка на замке — стена» (с. 95), то есть возникает образ ягиной избушки, которая поворачивается на курьих ножках и не показывает дверей, если Яге это не любо.

Упоминаются и литературные волшебства, например гоголевское «Заколдованное место» или из Вельтмана (которого в 40-е гг. Ремизов много читал) заклинание, которым чарует ведьма Врасанка в «Сердце и думке» (с. 93). Кроме того в «Мышкиной дудочке» рассказываются всякие невероятные происшествия, предлагаемые как быль, которые можно отнести к «обману», без которого Ремизов «не может» («без обмана я жить не могу») (с. 145). Тут и алжирские шишки, из которых выползают какие-то невероятные насекомые; тут и солнечный цыпленок, якобы вылупившийся из яйца на солнце; и все странные случаи, повествуемые в части, так и озаглавленной «Солнечный цыпленок», которые расшифруются там же: женщина, с которой все это якобы происходит, выпивала, а потом рассказывала (хотя вряд ли именно то, что передает Ремизов!). Эта тема выпивки, пьянства — одна из вспомогательных тем в «Мышкиной дудочке»: описывается и пьяный Пантелеймонов,³ и осоловевший Паскаль⁴ (которого очень веселила эта выдумка Ремизова), — связана с одной из функций волшебного восприятия, а именно с функцией того, что Ремизов называет «безобразием», то есть веселого обмана.

Ведь «Мышкина дудочка» — книга о тяжелых годах второй мировой войны, немецкого нашествия и оккупации — книга за-

бавная, несмотря на трагизм некоторых страниц, а это благодаря тому, что прием волшебной мысли позволяет автору раскованность и озорство. В эпизоде с приворотом, который уже упоминался, Листин нашептывает заклинание, и, «чтобы крепче было», подкладывает Леониду Михайловичу в карман разные вещи вроде камушков и косточек (полученные от Ремизова). Описание реакций Леонида, а за ним и аккомпаниатора Лифаря, в кого попала косточка, чисто гоголевское: «с прилипшей косточкой аккомпаниатор сел за Шопена и к великому удивлению пальцы его запрыгали по клавишам сами-с собой. Никогда еще не чувствовал он себя в таком ударе, да и Лифарь под «косточку» постарался» (с. 103).

К этой же шуточной функции относится и другая вспомогательная тема книги, связанная с волшебством / магией: тема неприличного. Тема пьянства напоминала о зельях, употребляемых в магических церемониях, а тема неприличного связана с понятием пере-ступления (через границу принятого, прилично-го), что также было присуще волхвованию. Примерами тут щеголять не очень удобно, но их очень много, обычно в завуалированной форме, и всегда они производят смешной эффект. Шутки эти можно отнести либо к сортирному юмору, либо к непристойностям, то есть смешной эффект происходит от того, что обнаружены детали интимные, пропадает грань между категориями «на-людях» и «сам с собой» (или «вдвоем»). Исчезает, стирается *граница* между этими категориями.

А ведь отсутствие границ как раз и присуще волшебному восприятию жизни, будь то у детей, будь то в примитивных культурах, метко названных Михаилом Буковским «магическими культурами». ⁵ Ремизов последовательно выявляет эту функцию снесения границ в своем волшебном цикле. Тут исчезает, в частности, граница между человеческим и нечеловеческим; звери и даже вещи наделены способностью видеть, слышать, действовать и понимать почти как люди: «Я предложил Листину, у меня много всего, есть камушки, „камень слышит“, есть сучки — „деревья“ видят, есть рыбы кости — „кость крепь“» (с. 101), а люди уподоблены зверям: «Я не сомневался, передо мною переодетый кот. Как он складывал бумагу — я наблюдал — так только кот мышей ловит, а его руки, да это подушечки-лапы!» (с. 116). Или описываются семейные неурядицы крыс, возящихся по ночам около мусора во дворе (с. 33)... Ремизов вспоминает, как он купил на Кавказе игрушечного зайца и всем показывал. «„Вы убеждены, что неодушевленные предметы чувствуют“, <...> сказал Короленко. Я не различал, где граница» (с. 184). Тут волшебное мышление, как литературный прием, позволяет писателю утверждать единство, целостность реальности, которая в эти тяжелые годы иначе была бы раздроблена, как стекла в доме от первой бомбардировки, те самые осколки, от которых Ремизов вел родословную своих послевоенных коллажей с серебром по красному с черным. ⁶ Но стирание границ

не тождественно с отрицанием их, и возникает роль писателя, как «поводыря», помогающего перейти эти границы: поэтому в книге, сначала мельком, потом все сильнее, намечается тема «перевода», «переводчиков», кульминирующая в части «Вавилонское столпотворение».

Но главная функция, отведенная волшебному мышлению в нашей интермедии, — функция «белой магии», помогающей людям выжить людьми в трудное время, то есть функция, выделенная Брониславом Малиновским,⁷ который считал, что волшебство главным образом источник уверенности в моменты неуверенности. В годы войны и оккупации в Париже, Ремизов окрашивает своим волшебным мышлением реальность, и этим помогает в своем круге выжить, не отчаиваться, найти какую-то долю уверенности. Благодаря привороту Листин хранит надежду, не отчаивается. «Ни в какой приворот, ни в мою магию я не верил» (с. 107), отмечает автор, но до того писал: «И как сказать ей мои сомнения: ведь этот приворот с косточками — ее единственная надежда?» (с. 105).

Так же, как он помогает волшебством Листину, Ремизов помогает своим чтением вслух. Описание этих вечеров, когда уют и сплоченность оберегают от темноты и страха собравшихся у Ремизовых близких. Этим собраниям придано качество ритуальное: все детали даны подробно, где кто сидит, и возникает родство с волшебным церемониалом. Своим чтением вслух Ремизов колдует, оберегает круг своих друзей от крайней неуверенности. В приворот он не верит, но в живительной силе слова, особенно художественного, он не сомневается: через всю войну, в холод, в голод, он продолжает свои «сеансы», утверждая «праздник слова». В первой части книги отрывок, так озаглавленный (с. 34—36), кончается так: «И под колокол с распространяющимся звуком, наполнявшим собой от края и до края, свет в глазах переменялся: не серое, не муть, не обреченное опаловое, сиял над черной площадью голубой купол. И это было больше, чем солнце, не яркостью, а трепетом — не вечерняя гблубь». Для Ремизова без слова жизнь и есть «серое, муть, обреченное опаловое» — не даром в начале книги женщина, зарезавшая сестру, описывается как «бессловесная». Живое слово живит, — но должно быть действительно живым, не то будет, как неудавшееся волшебство, действующее наоборот: Ремизов рассказывает, как он начал читать вслух исследование «Бисер в старинном рукоделии», «и с первых строк вижу: ску-чица!». И как он ни «наводил краску» голосом (что прекрасно умел), все равно слушатели заснули именно мертвым сном, который и описывается с роскошным (подчас гротескным) изобилием деталей.

В «Мышкиной дудочке» мы смогли наметить те богатые возможности, которые открывает Ремизову волшебное мышление: оно исполняет функцию игровую, давая большую свободу в подходе к жизненному материалу; Ремизов пользуется вол-

шебством и для того, чтобы утверждать целостность описываемой реальности, а также сплоченность людей, помогавших друг другу не столько заклинаниями и приворотами, сколько той расположенностью человека к ближнему, которую Ремизов называет «желанностью» в комментарии к «Скверному анекдоту» Достоевского, по времени написания почти совпадающего с «Мышкиной дудочкой».⁸ Но помимо этих функций, волшебное выступает в книге как метафора творчества, особенно словесного — Ремизов на склоне лет (упомянутому выше «празднику слова» предпослано «И мысленно я начинаю „последнее слово“; я напишу его позже, но оно вышло тогда из моего сна под крысиный крик») со всей силой своего зрелого мастерства утверждает, что бессловесному выжить по-человечески невозможно, что вера в чудо и вера в слово в конечном итоге одно и то же.

Примечания

¹ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж. 1953. Далее цитаты по этому изданию даны в тексте с указанием страницы.

² Ср. в «Взвихренной Руси», об этом в статье: «Структурная композиция „Взвихренной Руси“». (Aleksi Remizov. Approaches to a Protean writer. Ed. by Greta N. Slobin. Columbus (Ohio), Slavica, 1987. С. 239—240).

³ Борис Пантелеймонов (1888—1950), химик, писатель, близкий к послевоенному «советскому патриотизму» во Франции.

⁴ Петр Карлович Паскаль (1890—1983), крупный французский историк-славист. Его интерес к Аввакуму (см. его статью: «Avvakum et les débuts du „gaskol“») особенно сблизил его с Ремизовым, с которым он сотрудничал (см.: По следам протопопа Аввакума в России. // Русские Записки. 1939. Июнь. № 18). Паскаль очень ценил Ремизова, см. напр. его ст.: Remizov // La quinzaine littéraire. Paris. 1978. 1—15 sept. № 285. О Паскале см.: Revue des Etudes slaves. 1982. Tome LIV. Fascicule 1—2. Mélanges Pierre Pascal. (с библиографией его работ).

⁵ Michał Bukowski. Racjonalność, Translacja, Interpretacja. O badaniu myślenia magicznego w antropologii i filozofii brytyjskiej. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1990.

⁶ Примеры в книге: Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 128—129 и 240—241.

⁷ О функциях волшебного см. очень ценную компиляцию и исследование. Daniel Lawrence O'Keefe. Stolen lightning: The Social Theory of Magic. New York: Continuum, 1982.

⁸ См.: Ремизов А. Огонь вещей. Париж: Оплешник, 1954. С. 199. О работе над «Скверным анекдотом» см. письма Ремизова к В. В. Бутчику (Revue des Etudes Slaves. Tome LIII. Fascicule 2. P. 293—312).